

Лавры клеветника Артамонова

Когда в отделе ремонта конского состава РККА стало известно, что Артамонов, заместитель начальника отдела, выступил в роли разоблачителя, этому никто сначала не поверил. Все знали Артамонова, как человека, совершенно чуждого самокритики, встречающего ее в штыки. Все помнили, как Артамонов с пеной у рта пытался доказать, что никаких безобразий в работе отдела нет, опровергал бесспорные факты, называл критику ложью.

Тем не менее факт оставался фактом: Артамонов действительно начал «разоблачать»...

Он забросил работу, заперся в своем кабинете и стал изучать личные дела сотрудников. Результаты оказались совершенно неожиданными. Артамонов пришел к выводу, что в числе восьми работников отдела есть только один до конца чистый, непорочный человек. Надо ли говорить, что этим человеком был он сам, Артамонов! Все остальные семеро были, по его мнению, людьми по меньшей мере подозрительными.

О сотруднике Пасекове Артамонов так прямо и написал, «что это личность подозрительная и скоро будет «разоблачена». Капралова он назвал человеком неясным и не внушающим доверия. О Жукове он писал, что это человек нечестный и за ним «что-то есть»... «К Потапову у меня имеется настороженность», — многозначительно сообщил Артамонов. Примерно такими же ярлычками он украсил всех сотрудников отдела.

Но это было только начало. «Разоблачительная» деятельность Артамонова лишь начиналась.

Чело его стало угрюмо, взгляд подозрителен. Люди испуганно шарахались от него. На партийных собраниях Артамонов неизменно сидел с открытым блокнотом и все время что-то писал, мрачно озираясь вокруг. На языке Артамонова это именовалось «взять на карандаш».

Как-то раз на партийном собрании обсуждались характеристики членов ВКП(б) Вишневого и Попова. При голосовании Артамонов воздержался. Утверждалась партийная характеристика тов. Капралова. Артамонов снова воздержался. Коммунисты потребовали объяснения. Будучи, как говорится, приперт к стенке, Артамонов заявил:

— Для меня неясна физиономия Капралова, я еще не выявил его партийного лица.

Артамонову предложили написать об этом в партбюро, указав конкретные факты. Читаем заявление. Оказывается, Артамонов воздержался от голосования при выдаче характеристики Капралову только потому, что, как он пишет, «я сомневаюсь в политической грамотности Капралова»... На основе этого более чем сомнительного «сомнения» Артамонов поставил под вопрос политическое лицо Капралова.

Время шло, деятельность Артамонова становилась все более бурной. Во время своего очередного выступления он заявил:

— У нас в отделе существуют три группировки. Первая — колеблющаяся, вторая — воздерживающаяся, третья — непостоянная.

Артамонов, конечно, не назвал ни одной фамилии, многозначительно огласив, что «кто к какой группировке принадлежит, тот сам себя там найдет».

На другом партсобрании Артамонов выступил с новым откровением. Он поведал собранию, что в отделе имеются «новички, середнячки и старички».

Вспомните, что это говорил человек с партбилетом, заместитель начальника, и вам станет понятным состояние работников отдела. Люди ходили подавленными, работа валилась из их рук. Об Артамонове го-

ворили с трепетом и считали, что лучше с ним не связываться.

Но Артамонову этого было мало. Душа его тосковала по «громкому делу». Увидев как-то в анкете сотрудника Прянишникова упоминание о том, что его отец работал в имении, Артамонов возликовал. Он решил, что зацепка найдена, желанное «громкое дело» отыскано.

Артамонов вызвал Прянишникова и предложил ему снова написать автобиографию. Приказание было выполнено, Прянишников добросовестно изложил те же сведения, что были в предыдущих документах.

— Нельзя ли точнее? — потребовал Артамонов. — Извольте поподробнее написать насчет папы и мамы!

— Я написал все, — недоумевая, ответил Прянишников. — Отец у меня умер, а мать живет.

— Слушайте, вы не младенец, меня интересует, что делали ваши папа и мама до революции.

Прянишников снова повторил, что отец его работал в имении, а мать занималась домашним хозяйством. Артамонов оборвал его:

— Хватит. Все ясно!

Нам неизвестно, что именно было ясно Артамонову, так как на следующий же день он отправил на квартиру к Прянишникову «для выяснения» свою жену, которая, кстати, прилежно помогает ему во всех клеветнических делах. Вслед за женой отправился к Прянишникову и сам Артамонов.

В результате этой кипучей деятельности во всех вышестоящих инстанциях появилось заявление Артамонова, в котором черным по белому написано, что отец Прянишникова не больше, не меньше, как граф, а мать — княжна.

Мигом была снаряжена экспедиция на место рождения Прянишникова. Полковник Тимохин, которому было поручено выяснение всех обстоятельств дела, попал в неловкое положение. Когда он спрашивал колхозников, земляков Прянишникова, не графом ли был его отец и не княжной ли мать, колхозники хватались за животы. Смеясь, они говорили:

— Ну и граф, ну и княжна! Да как это вам только в голову взбрело. Отец Прянишникова даже полным кучером не был, а помощником кучера, а мать — домохозяйка.

Трубетчинский сельсовет официально подтвердил все это. Выводы полковника Тимохина недвусмысленно свидетельствуют, что родители Прянишникова не происходят, не могли происходить из графской семьи.

Итак, графа не оказалось. Княжны — тоже. Дело, озаглавленное заместителем парторга «Результаты обследования и уточнения вопросов по делу интенданта 2-го ранга Прянишникова», можно было считать законченным. Но Артамонов не успокоился. Он по сию пору твердит:

— Знаем, видали таких, они и ободранные ходят, и не бредутся, щетинкой обрастают, а нутро у них все-таки графское...

В те же организации, куда Артамонов посылал клеветнические заявления, он явился с обидой:

— Ведь я написал вам совершенно секретно, только для вашего сведения. Зачем же было разглашать, расследовать?

Таковы факты. Выводы очевидны. Совершенно ясно, что именно о таких разнузданных клеветниках, как Артамонов, товарищ Жданов говорил на XVIII съезде ВКП(б): «Надо взять метлу покрепче и вымести из нашего партийного дома подобный мусор».

А. САМОЙЛОВ.